Карельская аномалия

Сборник страшных историй

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

Денис Громвель

18+

Денис Громвель

Карельская аномалия. Сборник страшных историй

«Автор»
2026

Громвель Д.

Карельская аномалия. Сборник страшных историй /
Д. Громвель — «Автор», 2026

Территория России скрывает много тайн, есть районы, где реальность уступает место мистике. Тут привычные законы мироздания перестают работать, и на смену им приходят другие — забытые, древние. Карелия — одно из таких мест.«Карельская аномалия. Сборник страшных рассказов» включает 8 самостоятельных историй, объединённых не героями или сюжетом, а местом. Местом, где наш страх принимает разные обличья.

© Громвель Д., 2026
© Автор, 2026

Денис Громвель
Карельская аномалия.
Сборник страшных историй

Денис Громвель

Карельская аномалия

Сборник страшных историй

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

© Денис Громвель, 2026

Территория России скрывает много тайн, есть районы, где реальность уступает место мистике. Тут привычные законы мироздания перестают работать и на смену им приходят другие — забытые, древние. Карелия — одно из таких мест.

«Карельская аномалия. Сборник страшных рассказов» включает 8 самостоятельных историй, объединённых не героями или сюжетом, а местом. Местом, где наш страх принимает разные обличья.

18+

Оглавление

Карельская аномалия
Карельская аномалия
Ноготь
Рукописи не горят
Он живёт под мостом
Онега. Подводный ужас
Капище

Тоннель №4
Вышка

Карельская аномалия

В казарме стоял тяжёлый запах хлорки и солдатских портянок, пропитывал кожу, одежду, оставался на пальцах даже после сигареты. Рядовой Иван Солнышков курил у окна, прижавшись лбом к холодному стеклу. Осенний ветер гонял листья по бетонному плацу и трепал обрывок какой-то бумажки, застрявшей в заборе под колючей проволокой.

На часть надвигался тяжёлый карельский туман. Такой оставляет мокрые пятна на одежде того бедолаги, что не успел укрыться от белёсого облака в помещении. В низинах окружающего леса серыми проплешинами лежал снег, сосны стояли чёрные, мокрые.

В пальцах тлела сигарета, Солнышков затянулся.

— Ну и погодка. — выдохнул, дым вышел открытую форточку. Окурок отправился в жестяную банку из под кофе. Взгляд пробежал по казарме.

Петька Чиж стоял на коленях и елозил тряпкой по дощатому полу. Майка на парне висела мешком, и угловатые лопатки ходили ходуном под тканью. От усердия крупные капли пота падали на толстые линзы очков.

Сержант Кабаненко сидел на табурете в двух шагах от Петьки, закинув ногу на ногу, и ковырял спичкой в зубах. Это был крупный мужик, с бычьей шеей и маленькими глазками, которые постоянно бегали по сторонам — выискивали, к чему бы придраться и на ком сегодня можно выместить злость.

Ваня знал этот тип людей. В детдоме таких полно, и с каждым приходилось драться за кусок хлеба, ставить на место зарвавшихся мудаков, что считали себя лучше других.

— Чиж, ты мразь. Тут грязное пятно. — Скрипнула табуретка, Кабаненко двинулся в сторону солдата.

Бам! Мыльная вода хлынула на вымытые доски после того, как ведро встретилось с сапогом сержанта. Серая лужа расползлась и замочила подол Петькиной майки. — Вылизывай!

Петька замер. Тряпка шлёпнулась в лужу. Парень смотрел в пол, и лицо медленно наливалось красным. Иван видел, как дрожат руки, как побелели костяшки пальцев, сжимающие мокрую ткань. Петька не мог дать сдачи, не умел. Таких ломали в первую очередь — в детдоме, в армии, везде.

Половица скрипнула под сапогом Солнышкова — тихий, предупреждающий звук. В голове не было ни одной связной мысли, только гул — низкий, как перед дракой в детдоме, когда старшие отбирали хлеб у младших.

— Кабаненко, отойди от него! — рыкнул рядовой. Ивану было плевать на звание и погоны. В поле зрения только трясущийся пацан на полу и туша, нависшая над ним.

Сержант медленно поднял голову. Спичка замерла в углу рта. В маленьких глазках мелькнуло удивление. Так посмотрела бы кошка, если бы мышь в зубах начала огрызаться.

Кабаненко выплюнул спичку на пол, растёр сапогом. Движение было неторопливым, даже ленивым — он никуда не спешил.

— Чего-о? — он расправил плечи. Сапоги чавкнули по мокрому полу.

— Рядовой Солнышков, ты охренел?

— Сержант был выше Ивана на полголовы и тяжелее килограммов на двадцать.

Иван сделал шаг, ноги сами понесли. Второй шаг. Третий. Кулаки сжались сами собой. Он чувствовал каждую мышцу в теле, каждый натянутый нерв. В висках стучала кровь.

Краем глаза Солнышков видел, как Петька поднял голову и смотрит с ужасом — не за себя, за него. За Ваню. Чиж знал: если сержант получит по морде, обратной дороги не будет.

— Я сказал: отойди. — Иван подошёл вплотную.

— Ты у меня поедешь в дисбат, щенок. Я тебя… Хрясь! — Кулак впечатался в челюсть раньше, чем сержант закончил. Удар был глухим, каким-то влажным.

Костяшки обожгло болью, но Иван её не заметил. Голова Кабаненко мотнулась в сторону, изо рта брызнула слюна пополам с кровью — несколько капель попало на рукав гимнастёрки.

Грохот прокатился по казарме от падения грузного тела на жестяное ведро, заметался под потолком, отразился от стен и замер.

Петька стоял на коленях в луже, прижимая мокрую тряпку к груди, и смотрел на Ивана круглыми глазами — в них плескался не то восторг, не то животный страх. Он понимал, что сейчас произошло.

Остальные бойцы вжались спинами в стены казармы. Чья-то ложка упала на пол, прозвучало как выстрел. Иван разжал побелевший кулак и посмотрел на свои пальцы. На костяшках осталась чужая кровь — тёмная, почти чёрная в тусклом свете казарменных ламп.

Рука пульсировала болью, но рядовой не подал виду, вытер руку о штанину. Полез в карман за новой папиросой, закурил, глядя, как Кабаненко стонет на полу, держась за челюсть. Сержант попытался приподняться, опираясь на локоть, но снова рухнул.

Глаза Кабаненко были полны концентрированной ненависти, казалось, её можно было потрогать руками. Иван понял: теперь у него есть враг на всю оставшуюся жизнь. Короткую или долгую — это уж как повезёт. Сигаретный дым вылетел в потолок, скоро за рядовым должны прийти, нарушение субординации в армии не прощают.

Ждать пришлось недолго. Через пять минут в казарму ворвались двое офицеров, вызванные дежурным. Солнышкова скрутили без лишних слов — заломили руки за спину, наручники щёлкнули на запястьях. Он не сопротивлялся.

Петька всё ещё стоял на коленях в луже и смотрел, как уводят друга.

Гауптвахта располагалась в подвале, воняла сыростью и мочой. Запах был тяжёлый и плотный. Иван сидел на железной койке, привалившись спиной к облупленной стене, и смотрел в потолок.

Бетонная плита над головой пошла трещинами, и одна из них — самая длинная — напоминала русло пересохшей реки.

Солнышков изучал трещину уже третьи сутки. Знал каждый изгиб, каждое ответвление. Ещё трое суток здесь, дальше — трибунал. Дисбат — это если повезёт. Если нет — обычная тюрьма, а там уж как карта ляжет.

Иван думал о Петьке Чиже, о том, что с ним будет теперь, когда Кабаненко вернётся в казарму со сломанной челюстью и жаждой мести. Этот не забудет. Такие, как он, не забывают ничего. Петька станет крайним — на нём отыграются за всё. За унижение, боль, страх.

Солнышков знал, что это его вина, но не чувствовал сожаления. Только глухую пустоту. Пошарил по карманам — пусто. Папиросы конфисковали. Оставалось только сидеть и ждать.

За дверью звякнули ключи. Металл о металл — резкий звук, от которого Иван невольно дёрнулся. Открылась дверь, свет хлынул в полумрак камеры. Начальник караула впустил человека в штатском и тут же аккуратно прикрыл за собой дверь.

Посетитель был высокий, в длинном пальто, пахнущем дорогим табаком — не «Беломором» или «Примой», а чем-то вишнёво-шоколадным. Узкое лицо, острые скулы и глубоко посаженные серые глаза. Такие глаза Иван видел у людей, которые принимают решения, не советуясь с совестью и другими людьми.

Гость оглядел камеру. Взгляд скользнул по облупленным стенам, по ржавой раковине в углу, по параше у двери. Он не поморщился — просто принял обстановку к сведению, как принимают факт плохой погоды за окном. Взял табурет, поставил напротив койки и сел.

На колени лёг кожаный портфель. Щёлкнули замки — два резких звука, похожих на щелчки курка табельного пистолета.

— Меня зовут Алексей Попов, а ты, рядовой, Солнышков Иван.. — палец скользнул по строчке в бумагах, мужчина поднял глаза. Взгляд пронизывал, как февральский ветер. — Отчества нет?

— Отца не знал, сирота. — Ваня отлепился от стены, сел прямо и скрестил руки на груди. Разбитые костяшки уже не саднили. Но Солнышков чувствовал, как запёкшаяся кровь стягивает кожу при каждом движении.

Человек кивнул равнодушно. Он не собирался тратить время на лишние эмоции. Вынул из портфеля и протянул фотографию.

Чёрно-белый, глянцевый снимок: бетонный бункер, люди в белых халатах у приборов на треногах, массивная стальная дверь на заднем плане. Лица у людей на снимке размытые, неразборчивые.

Иван взял снимок, повертел — бумага необычная, плотная, на гражданке такую ни разу не видел — и вернул.

— Драка с сержантом. Сломанная челюсть. Трибунал. От пяти до восьми лет. — человек убрал фото в портфель, защёлкнул замки. — В сорока километрах от Петрозаводска, в лесу, есть военный город Буран, под ним в бункере секретный объект. Пропала группа учёных. Нужно их найти. Вывести. Справишься — трибунала не будет.– Гость поднялся, поставил табурет к стене, одёрнул пальто. Складки ткани легли безупречно.

— А если не справлюсь? — Иван растёр разбитые костяшки большим пальцем. Боль была тупой, ноющей.

— Тогда трибунал тебе уже не понадобится. — Человек взялся за ручку двери и обернулся через плечо. — Подумай хорошо, рядовой.

Дверь закрылась. Ключ провернулся в замке. Иван остался один, откинулся обратно на стену, прикрыл глаза и представил бетонный бункер, затерянный в карельских лесах.

Где-то там пропали люди. И теперь ему предлагали их найти. А если не найдёт — что ж, никто не узнает, куда подевался рядовой Солнышков. Сирота. Никто не хватится.

Уазик трясся на ухабах третий час. Машина была старая, видавшая виды — брезентовая крыша хлопала на ветру, двигатель ревел, как раненый зверь, амортизация, казалось, вообще отсутствовала.

Каждую колдобину Иван чувствовал задом. За окнами мелькали сосны — чёрные стволы на фоне серого неба, бесконечная шеренга, уходящая за горизонт. Даже свежий снег никак не украшал это унылое зрелище. Осень в Карелии — дожди, туман и холода, благо, мошки с комарами пропадают.

Ивана пристегнули наручниками к поручню над дверцей. Металл холодил запястье. Рядом молча сидел конвоир — молодой парень с белёсыми ресницами и автоматом на коленях. Руки сжимали оружие с такой силой, что костяшки пальцев побелели. Ствол смотрел в сторону заключённого.

Солнышков видел таких в учебке — первый раз в карауле, боятся собственной тени, такой может и выстрелить случайно, остаётся надежда на то, что предохранитель в порядке.

Майор Попов сидел впереди, перелистывая бумаги в планшете. Водитель — седой мужик с пышными усами и обветренным лицом — крутил баранку и насвистывал что-то себе под нос. На Ивана ни разу не взглянул.

— Скоро приедем? — Солнышков дёрнул рукой, брякнув наручником о поручень.

— А ты опаздываешь? — Зашелестела страница, Попов провёл рукой по строчкам.

Конвоир хмыкнул. Иван отвернулся к окну. За мутным стеклом всё так же мелькали сосны. Он думал о том, что будет, когда они приедут на место.

Бункер, учёные, аномальная зона — всё это звучало как сюжет из дешёвого фантастического романа. Иван такие не читал. Ему нравились детективы, закрученный сюжет, но что добро и зло понятно с самого начала.

Лес становился гуще. Ветви смыкались над дорогой. Машина нырнула в тоннель из чёрных стволов, и на несколько минут свет реального мира погас. Фары выхватывали из мрака то корявый ствол, то замшелый валун на обочине. Рядом каркнула ворона, и лобовое стекло загудело от удара птичьей тушки.

— Блядь, — выругался водитель. — Вечно у вас тут хрень творится.

Конвоир судорожно сглотнул. Солнышков дёрнулся — по спине побежали мурашки, и струйка холодного пота скатилась куда-то к ремню брюк. Только Попов не шевельнулся — сидел, перелистывая бумаги, будто ничего не произошло.

Чуть позже сосны расступились, в сумерках проступил бетонный забор метра три высотой, с колючей проволокой поверху. КПП без вывески — просто будка из серого кирпича и шлагбаум, крашенный в бело-красную полосу. Двое автоматчиков в шинелях вышли из будки. Залаяла сторожевая овчарка, вырывая поводок из рук одного из солдат.

Холодный ветер ворвался в салон, когда Попов опустил стекло и показал документы. Солдат долго их изучал, переводя взгляд с бумаг на мужчину и обратно. Потом кивнул напарнику. Шлагбаум пополз вверх.

Буран оказался не совсем городом — несколько построек, разбросанных между сосен. Четыре бетонных многоквартирных дома, котельная из красного кирпича с большой трубой, уходящей в небо, да старая церковь в конце улицы. Рядом небольшая военная часть.

Людей почти не было видно — только у одного из домов двое солдат грузили ящики в военный ЗИЛ. Да ещё пара стояла на центральной улице, перекрыв дорогу к части.

Конвоир отстегнул Солнышкова от поручня, толкнул дверцу, кивнул. Иван выбрался из машины. Холодный ветер, предвестник зимы, ударил в лицо. Мышцы ныли после многочасовой поездки.

Ваня обвёл взглядом город, остановился на церкви. Старая, бревенчатая, почерневшая от времени. Крест на маковке — покосившийся, но всё ещё на месте. Вокруг церкви торчали антенны разных размеров, от небольших штырей до решётчатых конструкций.

Между антеннами змеились провода, закреплённые на временных столбах. Где-то рядом тарахтел дизельный генератор, выбрасывая в воздух сизый выхлоп.

— Штаб. — Попов мотнул головой в сторону церкви и зашагал к тяжёлой двери, выбивая сапогами ямки в чавкающей грязи. Пальто развевалось на ветру.

Иван двинулся следом.

Железные полосы, которыми была обита дверь, выглядели старыми и ржавыми, но крепкими. Попов толкнул её плечом. Внутри пахло палёной проводкой, табаком и лекарствами.

Под сводами, где когда-то висели иконы, теперь гудели лампы. Они заливали помещение резким, больничным светом. На месте алтаря стол, заваленный картами, приборами и папками. Осциллограф мерцал зелёным глазом, выписывая на экране синусоиду. Телефонные аппараты — целых три штуки — молчали, но шнуры у них подрагивали, как живые. За столом сидел полковник Громов — седой, коротко стриженный, с гладко выбритым лицом. Рядом, вытянувшись по стойке смирно, стоял Кабаненко.

Сломанная челюсть делала его лицо кривым, асимметричным. Белые бинты туго обхватывали подбородок и затылок. Увидев Солнышкова, сержант дёрнулся — рука потянулась к лицу, пальцы скрючились. Он заскулил от боли, челюсть непроизвольно сжалась.

Иван вошёл и встретился с сержантом взглядом. Усмехнулся уголком рта. Кабаненко побледнел, но не отвёл глаз. В зрачках плескалась ярость.

— Рядовой Солнышков. — Громов поднялся, обошёл стол, встал напротив Вани. Он был невысок, но держался так, что казался выше. — Мне доложили о твоём поступке. Сержант Кабаненко будет оператором связи. Остаётся здесь. — полковник щёлкнул каблуками сапог. — Только совместной работой можно решить конфликты внутри коллектива.

Сержант шагнул вперёд, протянул Ивану гарнитуру — наушники с микрофоном на гибкой дужке, похожие на те, что носят лётчики. И небольшую, но массивную нательную камеру. Пальцы у него подрагивали — то ли от ненависти, то ли от страха. Солнышков взял гарнитуру, не глядя на сержанта, и надел на голову. Камеру закрепил ремнями на груди.

— А он не заведёт меня не туда? — спросил Солнышков.

Кабаненко замер, сжал пальцы в кулак — костяшки побелели да так, что, казалось, кожа вот-вот лопнет.

— Он военнослужащий. — Громов отрезал это слово, как отрубил, развернулся к столу и указал на карту перед Иваном. Бумага пожелтела, края истрепались от времени. — Выполняет приказы. Садись. Слушай вводную.

Иван сел на лавку у стены и закурил, не спрашивая разрешения. Громов не возражал — только подвинул пепельницу ближе.

— Объект представляет собой аномальную зону, — Громов ткнул пальцем в центр карты, — пространство внутри нестабильно. Геометрия не подчиняется привычным законам. Коридоры могут меняться. Комнаты — исчезать и появляться в других местах. Группа учёных — четыре человека — вошла три недели назад, связь пропала на второй день. С тех пор — ничего.

— Твоя задача — найти их. — Полковник сделал паузу и закурил. Папироса в его пальцах казалась чужеродным предметом. — Если живы — вывести. Если мертвы — зафиксировать местоположение тел и вернуться.

— А если не найду ни живых учёных, ни тела? — Иван стряхнул папиросу на обшарпанный пол.

Громов поднял глаза и задумчиво посмотрел на рядового. Ответил не сразу.

— Тогда вернёшься и доложишь по ситуации. — выпустив струйку дыма, полковник затушил почти целую папиросу о дно пепельницы. — Вопросы?

Кабаненко стоял, скрестив руки, и смотрел на Ивана; глаза блестели, как у кота перед мышиной норой.

— Вопросов нет. — Солнышков встал. — Я готов.

Из церкви Ваня вышел один. Попов остался в штабе с Громовым — склонился над картой; карандаш в руке порхал, что-то вымеряя и помечая. Кабаненко уселся за стол с радиоаппаратурой, надел наушники и проверял частоты. Пальцы порхали над тумблерами с неестественной, нервной быстротой.

На улице ветер гонял листья и крупные капли дождя. Холод пробрался под гимнастёрку; Иван поёжился, втягивая голову в плечи. Конвоир — тот самый молодой парень с белесыми ресницами — ждал у УАЗа. Кивнул и зашагал по дороге в глубь территории. Солнышков двинулся следом. Солдаты, попадавшиеся навстречу, провожали долгими взглядами. Только один подмигнул и показал жест пальцем вверх.

Лес в Буране подступал вплотную к заборам. Где-то в чаще крикнула птица — резко, надрывно. Грязь под ногами хлюпала и чавкала. Идти с громоздкой камерой на груди неудобно, но выбора нет. Штаб хотел получить полный отчёт по окончанию экспедиции.

Бункер показался из-за деревьев внезапно — бетонный зев, врезанный в склон холма. Иван ожидал увидеть что-то грандиозное, но это был просто вход, тёмный и неприметный.

Стальная дверь, ржавая по краям, с массивным вентилем вместо ручки. Никаких опознавательных знаков, только сырость, мох и плесень, расползающаяся по бетону серыми разводами.

Конвоир остановился за десять шагов и дальше не пошёл. Солнышков заметил, как побелело лицо, как он перекрестился — быстро, украдкой, думая, что никто не видит.

— Дальше сам. — он сунул Ивану в руки вещмешок и отступил обратно на тропу, старался не смотреть на дверь бункера. — Там внутри лифт. Спустишься на нижний этаж.

Вещей в мешке было немного. Пачка папирос. Пистолет Макарова — тяжёлый, холодный, пахнущий оружейным маслом. Рация с потёртым корпусом — старая, армейская, на антенне красовался моток синей изоленты. Фонарик — старый, с ребристым металлическим корпусом.

— Мдамс, с этим много не навоюешь. — цокнул Солнышков. — Если внизу так опасно, почему мне не выдадут нормальный боекомплект?

Конвоир не ответил, вздохнул, помялся с ноги на ногу и пошёл обратно в сторону церкви.

Иван потянул за вентиль. Дверь неохотно поддавалась. Петли скрипели — протяжно, жалобно, как старый пёс, которого разбудили пинком. Из темноты пахнуло плесенью и сырым бетоном.

Внутри горела пара ламп на стенах. Вдоль потолка тянулись кабели — чёрные, маслянистые, закреплённые ржавыми скобами. У противоположной стены вход в лифт — старая кабина с решётчатой дверью-гармошкой, выкрашенной облупившейся краской в зелёный цвет. Солнышков шагнул внутрь. Решётка лязгнула за спиной, отсекая мир. Кнопок было две: «Вверх» и «Вниз». Солдат нажал нижнюю.

Лифт дёрнулся и пополз, натужно гудя. Свет в кабине мигнул — раз, другой; Иван непроизвольно напрягся. Тросы над головой скрипели — протяжно, с подвыванием, как старые деревья в бурю. Спуск длился долго. Жёлтые лампы на стенах отсчитывали этажи, которых, на самом деле, не было. Ваня считал про себя, но сбился после сорока.

Кабина остановилась с глухим толчком, от которого у Солнышкова клацнули зубы. Лязг решётки отразился эхом от бетонных стен. Напротив была дверь — обычная, советская, деревянная, обитая потёртой бордовой тканью.

Такие Иван видел в хрущёвках, но здесь, в бетонной коробке военного бункера, она казалась чем-то чужеродным, неправильным. К ткани прибита табличка «10». Мужчина потянул за ручку. Никакой десятой квартиры за дверью не было.

Солнышков попал в коридор, с виду, абсолютно обычный. Серый бетонный пол с редкими выбоинами. Зелёная масляная краска на стенах — ровно до половины высоты, дальше побелка, местами потрескавшаяся. Лампы гудели под потолком, заливая всё мертвенным жёлтым светом.

Коридор уходил вперёд метров на тридцать и заканчивался дверью. Справа — глухая стена. Слева — глухая стена. Только вперёд.

Иван поправил наушник гарнитуры — дужка натёрла ухо — и нажал кнопку рации.

— Штаб, я на месте. Приём.

Динамик затрещал.

— Слышу тебя, Солнышков. Иди вперёд. Не стой на месте. — Голос Кабаненко пробился сквозь помехи — далёкий, искажённый.

Ваня двинулся по коридору. Шаги гулко отдавались от бетона. Эхо множило каждый звук, и казалось, что за ним идёт ещё кто-то — невидимый, бестелесный, но присутствующий.

Топ… топ.

Десять шагов.

Топ… Топ.

Пятнадцать.

Бам!

Свет погас с громким звуком — будто кто-то ударил кувалдой по трансформаторной будке.

Грохот прокатился по коридору и затих где-то в глубине. Темнота навалилась мгновенная, плотная, Иван её почувствовал кожей. Сердце бухнуло в рёбра. Солнышков замер на месте, боясь пошевелиться. В такой темноте легко потеряться, легко сойти с ума.

Рядовой медленно, очень медленно выдохнул и нашарил на поясе фонарик. Пальцы прошлись по холодному ребристому корпусу. Щелчок — луч прорезал тьму. Иван обернулся, свет скользнул по стене и застыл.

Двери не было.

Глухая бетонная стена, выкрашенная зелёной краской. Следы побелки, потёки сырости. Как будто входа сюда никогда не существовало.

Иван провёл ладонью по стене — холодная, настоящая. Провёл ещё раз, поддевая ногтями краску. Под ней бетон. Обычный бетон. Не иллюзия. Реальность. Или то, что здесь заменяло реальность.

— Штаб… — голос сел. Иван прокашлялся. — Штаб, тут дверь пропала. Её нет. Приём.

Рация молчала. Только тихое шипение в наушнике — как шум телевизора без сигнала. Ваня ждал, прижимая гарнитуру к голове и слушая треск эфира.

Прошла минута.

Две.

Пять.

Сквозь помехи резко пробился голос Кабаненко:

— Иди вперёд, Солнышков. — в голосе сержанта слышалась зловещая жажда. — Иди вперёд.

Иван не ответил. Сжал фонарик и достал пистолет. Передёрнул затвор.

Щёлк! Прокатилось по коридору.

Солдат двинулся вперёд, ведя лучом по зелёным стенам.

Шаг.

Ещё шаг.

Коридор не менялся. Тот же бетонный пол, та же краска, та же побелка. Только теперь рядовой шёл в полной тишине, звук шагов пропал, лишь сердце бешено стучало в ушах.

Через пятнадцать метров луч фонарика вырвал из темноты дверь. Такая же, как была у лифта, но без номера. Латунная ручка, тускло блеснула в свете фонарика. Ваня нажал на ручку — заперто. Попробовал ещё раз, наваливаясь плечом. Бесполезно.

— Блин, заперто. Нужно найти ключ. — Иван отпустил ручку и отступил на шаг.

— Ищи, Солнышков. Ты же у нас сообразительный. — Кабаненко насмехался, прорываясь через шипение помех. — Ты же у нас боец.

— Завались, а. — Рядовой сплюнул. — Нужно подумать. — Рука нащупала в кармане брюк пачку с папиросами. Закурил.

Иван простоял пару минут в тишине, периодически выпуская дым в нависающий потолок. Растёр окурок сапогом, развернулся и пошёл обратно.

Десять метров.

Двадцать.

Сорок.

Мужчина уже прошёл место, где должна была быть первая дверь, когда позади, за спиной, что-то изменилось. Лампы под потолком зажглись с тихим гулом — все разом. Коридор залило жёлтым светом.

Иван зажмурился — резь в глазах, слёзы. Проморгался, открыл глаза. Коридор изменился, часть боковой стены, которая только что была глухой, исчезла. Вместо неё зиял проход

— неширокий, тёмный, уходящий вправо. В глубине, на сколько хватало фонаря, виднелись прямоугольники окон. Рядовой перехватил пистолет и вошёл в ответвление.

Ивану пришлось идти боком, касаясь плечом одной стены. Через несколько метров коридор расширился достаточно, чтобы можно было идти свободно.

По обе стороны — окна. Деревянные рамы, крашеные белой краской, местами облупившейся. Стекло мутное, в разводах, как будто его не мыли годами. В некоторых местах можно было разглядеть отпечатки рук. За проёмами — темнота: не ночь, не небо, не лес — пустота, чёрная и плотная, как застывшая смола.

Ваня шёл медленно, считая окна.

Первое.

Второе окно.

Третье.

Четвёртое окно.

За каждым — одно и то же. Солдат почти убедил себя, что так будет до конца, когда из пятого в коридор хлынул свет. Вспыхнул за стеклом внезапно, без предупреждения — яркий, жёлтый, сплошной. В этом свете стояла человеческая фигура — чёрный силуэт. Человек… А человек ли? Поднял руку и помахал.

Солнышков замер. Палец лёг на спусковой крючок. Фигура помахала снова — медленно, это движение было текучим, завораживающе плавным. Иван сделал шаг вперёд.

Ещё шаг.

Ещё.

Ноги двигались сами, отдельно от мозга.

Подошёл вплотную к окну. Коснулся рукой холодного стекла. Фигура не двигалась, замерла выжидая. А потом пропала — просто исчезла, как гаснет спичка.

Свет погас. Окно распахнулось — рамы ударили о стены, стёкла зазвенели, засыпая бетон осколками. Из чёрного проёма вылетело нечто: длинное, мокрое, мускулистое.

Язык. Огромный, толстый, покрытый воспалёнными наростами. Хлестнул по воздуху и обвился вокруг предплечья солдата. Хватка была стальной — Солнышков чувствовал, как мерзкое слизистое тело сжимается и пульсирует на руке, как трещит одежда… или кость? Вонючая жижа хлынула под ноги из того, что раньше казалось окном.

Рывок — Ивана дёрнуло к окну. Подошвы сапог проскрежетали по бетону, оставляя чёрные полосы. Рядовой, как мог, извернулся, упёрся ногами в стену, вскинул пистолет и выстрелил в темноту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.